

Российский экспорт хлопчатобумажной ткани в Персию в XIX — начале XX в.

Гадила Корноухова

Russian export of cotton fabric to Persia in the 19th — early 20th century

Gadilya Kornoukhova
(*RUDN University, Moscow*)

DOI: 10.31857/S2949124X23030136, EDN: ERXIPC

В советской историографии было распространено стереотипное представление о пассивности российских предпринимателей конца XIX — начала XX в., занимавшихся экспортом в азиатские страны¹. В частности, В.Я. Лавёрычев утверждал, что их интерес к поставкам текстильной продукции «в значительной степени являлся результатом “подталкивания” со стороны царского правительства, стремившегося закрепить завоёвываемые политические позиции в странах Среднего и Ближнего Востока определёнными мерами экономического характера»². Активное проникновение в Персию российского государственного капитала было основательно изучено Б.В. Ананьичем³. Между тем в современной историографии появилось немало работ, в которых рассматривалась энергичная и инициативная деятельность купечества на внутреннем рынке⁴. Но характер их участия в международной торговле, в том числе с южными соседями, ещё нуждается в изучении.

Российские хлопчатобумажные ткани появились на персидском рынке после подписания Гюлистанского мирного договора в 1813 г. при благоприятных условиях: резкое ухудшение отношений Персии с Великобританией в 1819–1823 гг. привело к сокращению импорта британских товаров и позволило России

© 2023 г. Г.Г. Корноухова

¹ Рожкова М.К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М., 1949; Семенов Г.Ф. Борьба московской «текстильной» буржуазии за рынки сбыта и экономическая политика царизма в конце XIX в. // Некоторые вопросы истории Москвы и Московской губернии в XIX–XX вв. М., 1964 (Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина. Учёные записки. № 200). С. 95–144.

² Лавёрычев В.Я. К вопросу об особенностях экспорта тканей из России в конце XIX — начале XX в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1965. № 6. С. 60.

³ Ананьич Б.В. Российское самодержавие и вывоз капиталов 1895–1914 гг. (по материалам Учётно-ссудного банка Персии). Л., 1975.

⁴ Боханов А.Н. Крупная буржуазия России. Конец XIX века — 1914 год. М., 1992; Ульянова Г.Н. Текстильные фабриканты Зимины и их семейные фирмы: производство и торговля. 1810–1918 годы // Экономическая история. Ежегодник. 2020 год. М., 2021. С. 170–203; Ульянова Г.Н. Преимущество как экономическое и моральное основание деятельности московских купеческих семейных фирм (XIX — начало XX в.) // Уральский исторический вестник. 2021. № 3(72). С. 107–115; Керов В.В. Се человек и дело его... Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства. Изд. 2. М., 2016; Поткина И.В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1797–1917. М., 2004; Петров Ю.А. Рябушинские. Фабрики и банки знаменитой династии России. М., 2011; Габдрафикова Л.Р., Измайлов Б.И., Салихов Р.Р. Фирма Алафузова (вторая половина XIX — начало XX века): промышленная история России. Казань, 2015; Салихов Р.Р. Повседневная жизнь татарского промышленника первой половины XIX века (на примере Мукмина Хозясеитова) // Историческая этнология. Т. 1. 2016. № 2. С. 313–327; и др.

занять освободившуюся нишу. После этого среднегодовой русско-персидский торговый оборот в два с лишним раза превзошёл показатели 1814–1818 гг. В частности, экспорт хлопчатобумажных тканей к концу 1820-х гг. оценивался приблизительно в 3 млн руб.⁵ По свидетельству И.Ф. Бларамберга, до начала 1830-х гг. «Россия имела почти монополию на продажу ситцев в Персии»⁶. Однако в дальнейшем Британия восстановила свои позиции, что привело к постепенному вытеснению российских производителей: если в 1835–1837 гг. их товары ещё находили стабильный сбыт, то с 1840-х гг. в документах всё реже встречаются упоминания о ситце, нанке и т.п. В 1851–1853 гг. вывоз хлопчатобумажных тканей составил лишь десятую часть экспорта 1824–1826 гг.⁷

Торгово-экономическая экспансия Великобритании воспринималась в Петербурге с большой тревогой. Российские дипломаты искали способы изменить создавшееся положение⁸. В частности, консул в Астрабаде Ф.А. Бакулин обратил внимание на то, что почти вся российская торговля на севере Персии на рубеже 1860–1870-х гг. находилась в руках армянских коммерсантов, слабо обеспеченных финансовыми ресурсами. Это, по его мнению, не позволяло им закупать дорогостоящие товары в Центральной России и заставляло довольствоваться исключительно мелочной торговлей. Персидские же торговцы, имевшие в своём распоряжении значительные капиталы, предпочитали ввозить более дешёвый европейский текстиль. Для этого они учредили «до пяти контор», имевших непосредственные связи с Великобританией, Францией, Австрией и Турцией. Увеличение сбыта российских тканей дипломат считал возможным лишь в том случае, если торговля перейдёт в руки «людей со средствами» и «сведущих в коммерческом деле». Кроме того, важно было добиться соответствия экспортируемой продукции вкусам потребителей «не на основании каких-либо отвлечённых сведений о стране и её потребностях, но на основании образчиков и рисунков, высылаемых с местных рынков». Поэтому Бакулин настоятельно рекомендовал осуществлять поставки через собственных агентов, способных своевременно доставлять все необходимые сведения о текущей конъюнктуре — спросе, ценах и т.д. Следовало также учесть опыт британских торговых домов: почти каждый из них нанимал местного живописца, который ежедневно, занимаясь в конторе, за 9–15 руб. в месяц делал рисунки, посылавшиеся затем в Манчестер, где их отпечатывали или изменяли, соединяя несколько узоров в один. Имелись у англичан и специальные книги для наклейки образцов, где над каждым рисунком ставился номер, соответствовавший такому же на фабриках в Манчестере. Тем самым значительно облегчался способ идентификации ситцев, запрашивавшихся для отправки в Персию⁹. Все эти рекомендации, конечно, могли пригодиться купцам, желавшим улучшить ход своего дела, опираясь на собственные силы. Однако расширение российского экспорта сталкивалось в Персии с более серьёзными препятствиями, преодолеть которые можно было только при содействии со стороны правительства.

---

⁵ *Куканова Н.Г.* Торгово-экономические отношения России и Ирана в период позднего феодализма. Саранск, 1993. С. 119.

⁶ Там же. С. 124.

⁷ *Куканова Н.Г.* Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII – первой половине XIX века (По материалам русских архивов). Саранск, 1977. С. 210–211.

⁸ *Куканова Н.Г.* Торгово-экономические отношения... С. 135.

⁹ *Бакулин Ф.А.* Очерк внешней торговли Азербайджана за 1870–1871 гг. // Восточный сборник. Т. 1. СПб., 1877. С. 208, 210, 212, 243.

Так, в консульских донесениях отмечалось, что главное преимущество британских тканей заключалось в их чрезвычайной дешевизне¹⁰. Добиться в этом отношении паритета подданным императора мешала, помимо прочего, политика, направленная на поощрение хлопкового производства в Средней Азии. С 1878 г. взимался дополнительный налог в 40 коп. с пуда на импортируемый хлопок-сырец, что способствовало удорожанию тканей в России¹¹. Указы 1846 и 1864 гг. для оживления торговли на Южном Кавказе разрешили беспошлинный транзит европейских грузов в Персию через Закавказье¹². Он существенно снижал конкурентоспособность отечественных товаров и фактически лишал смысла их вывоз в соседнее государство.

Впрочем, при сохранении ёмкости внутреннего рынка не только в первой половине XIX в., но и в 1860–1870-х гг., русское купечество не ощущало особой заинтересованности во внешних потребителях¹³. Лишь немногие фирмы направляли свою продукцию за рубеж. Так, в Тавризе продавался ситец Александровской фабрики Барановых из Владимирской губ. Он представлял собой красную ткань с белыми цветами, известную местным покупателям как «чити гулимашалла»¹⁴. В Астрабаде и в Хорасане к началу 1870-х гг. встречались ситцы фабрик И.П. Медведева, Т.С. Морозова и А.И. Антонова¹⁵. Но в целом, несмотря на отдельные успехи, экспорт российского текстиля в Персию оставался небольшим. Значительная часть того же тика, привезённая в Тавриз с Нижегородской ярмарки, годами лежала нераспроданной¹⁶.

К началу 1880-х гг. производительность хлопчатобумажной промышленности в России заметно возросла, о чём свидетельствовало увеличение объёмов потребления хлопка — с 3,5 млн пудов в 1870 г. до 6,1 млн пудов в 1880 г.¹⁷ Внутренний рынок быстро заполнялся отечественной продукцией. Характерно, что доля импорта в общем объёме всех находившихся в продаже хлопчатобумажных тканей сокращалась с 4% в 1870–1874 гг. до 2% в 1875–1879 гг.¹⁸ Неудивительно, что предприниматели стали задумываться о поставках за границу, которым по-прежнему препятствовал беспошлинный закавказский транзит европейских товаров в Персию, отменённый лишь в 1883 г.¹⁹

Собственную фабрику в Тегеране первым осмелился устроить Н.Н. Коншин. В 1884 г. он открыл там свой склад и приступил к завозу хлопчатобумажных тканей, которые продавались по образцам или наличным товаром. Однако торговля не приносила прибыли, и в 1890 г. её пришлось свернуть. Несмотря на это, отечественные предприниматели высоко оценили усилия Коншина,

¹⁰ АВПРИ, ф. 144, оп. 488, д. 387, л. 310 об.—311.

¹¹ Лавёрычев В.Я. Указ. соч. С. 59.

¹² Подробнее см.: Морозова Т.Л. К истории отмены закавказского транзита // История СССР. 1977. № 3. С. 128–140.

¹³ Лавёрычев В.Я. Указ. соч. С. 59.

¹⁴ Бакулин Ф.А. Указ. соч. С. 241–242.

¹⁵ АВПРИ, ф. 144, оп. 488, д. 387, л. 306 об.

¹⁶ Бакулин Ф.А. Указ. соч. С. 242.

¹⁷ ЦГА Москвы, ф. 143, оп. 1, д. 543, л. 27 об.

¹⁸ Фабрично-заводская промышленность и торговля в России. СПб., 1895. С. 5.

¹⁹ В апреле 1883 г. посланник в Персии А.А. Мельников перед отъездом в Тегеран неоднократно встречался с Т.С. Морозовым, убеждая его в необходимости расширения экспорта текстильных изделий. 21 апреля дипломат присутствовал на совещании в доме Морозова, где собрались крупные московские фабриканты (А.Д. Носов, А.Н. Морозов, А.И. Каретников и др.), проявившие интерес к развитию торговли с Персией (Лавёрычев В.Я. Указ. соч. С. 60).

а Общество для содействия русской промышленности и торговле наградило его за деятельность в Персии медалью²⁰. Её результаты нашли отражение в «Краткой записке», знакомившей купцов с особенностями коммерции и спецификой потребительских вкусов на новом рынке²¹. Так, тюркскому населению Азербайджана импонировали несколько иные цвета и рисунки, нежели жителям юга. В целом же в Персии отдавали предпочтение цветочным рисункам, тогда как геометрические фигуры (шашки, многоугольники, полосы и т.д.) не пользовались популярностью. Белые полосы допускались лишь при окраске траурных тканей, но и те лучше раскупались с цветочным орнаментом (белым, зелёным, коричневым, синим и лиловым на чёрном фоне). При этом следовало избегать красного и розового цвета. Авторы записки особо указывали на то, что большинство английских ситцев не отличалось богатством красок: наличие двух–трёх цветов, по-видимому, вполне удовлетворяло покупателей. В России же при их окрашивании использовалась более разнообразная палитра, что повышало себестоимость²². Купцам рекомендовалось завозить бязь и миткаль, употреблявшиеся для белья и ручной набивки, а также специально изготовленные куски ситца с цельным узором и каймой вокруг (их брали для украшения зимних стёганных одеял, а также для скатертей и занавесок). В то же время льняное полотно, носовые платки, скатерти и салфетки приобретались лишь наиболее обеспеченной (и весьма немногочисленной) частью населения. Неходовыми также считались обивочные ткани, поскольку в Персии обычно сидели на полу – на соломенных матах, коврах и низких подушках (тахтах) и лишь немногие, подражая европейцам, приобретали мебель, обивка которой обеспечивалась британскими производителями (сильнее всего европейское влияние ощущалось в приграничных провинциях и в Тегеране)²³.

Интерес к опыту товарищества Коншина во многом объяснялся тем, что ещё в 1889 г. совет московского отделения Общества для содействия русской промышленности и торговле констатировал начало перепроизводства хлопчатобумажных тканей, при котором «избыток товаров гнетёт наши рынки, выдвигая на очередь вопрос о расширении сбыта наших изделий в интересах развития национальных производств». Лучшим средством «устранения аномальных явлений», по мнению предпринимателей, являлось увеличение экспорта. Персия считалась для этого наиболее близкой и удобной страной²⁴. И если в 1883 г. вывоз туда российских хлопчатобумажных тканей едва достигал 5 200 пудов, то в 1887 г. он составлял уже 18 934 пудов, 1888 г. – 24 867, 1889 г. – 26 306, 1890 г. – 31 241 пуд. Таким образом, к концу десятилетия он вырос в шесть раз²⁵.

Но одновременно продолжалось и повышение пошлин на импортный хлопок: во второй половине 1880-х гг. они увеличились с 40 коп. до 1 руб. 15 коп. с пуда²⁶, а за 30 лет (1878–1908) – в 10 раз. О последствиях этого в газете «Утро

---

²⁰ Подробнее см.: Корноухова Г.Г. Торговая деятельность Н.Н. Коншина в Персии во второй половине 1880-х гг. // Вестник архивиста. 2021. № 3. С. 791–802.

²¹ Краткая записка о результатах Русской промышленной выставки, открытой в 1890 году при тегеранской фактории Н.Н. Коншина, и о мерах, необходимых для развития наших торговых сношений с Персией. М., 1890.

²² Там же. С. 10–11.

²³ Там же. С. 8, 10–15.

²⁴ ЦГА Москвы, ф. 143, оп. 1, д. 100, л. 20.

²⁵ Фабрично-заводская промышленности и торговля России... С. 9.

²⁶ Лавёрычев В.Я. Указ. соч. С. 61.

России» писали: «Например, хлопок у нас обложен 4 руб. с пуда; допуская, что во всех остальных отношениях стоимость изготовления ткани у нас та же самая, что у наших конкурентов, мы всё же должны продавать пуд наших тканей на 4 руб. дороже, чем германские и английские мануфактуристы, получающие хлопок беспошлинно. А между тем при вывозе изделий последние не должны быть дороже иностранных»²⁷. Впрочем, ещё в 1892 г., после неоднократных обращений предпринимателей, правительство согласилось возвращать пошлины экспортёрам хлопчатобумажной ткани²⁸.

15 декабря 1893 г. на совещании в здании Московской биржи консул в Астрабаде Л.С. Кохановский призвал купцов активнее торговать с Персией. В 1884 г. на Нижегородской ярмарке аналогичное его обращение не нашло отклика, но теперь участники встречи демонстрировали заинтересованность. В частности, И.К. Поляков заявил, что если бы кто-то открыл склад в одном из крупных городов на севере Персии, то многие, включая и его самого, охотно давали бы свои товары на комиссию. Эту идею поддержали и другие представители текстильных компаний²⁹.

Так или иначе, в последнее десятилетие XIX в. экспорт отечественных хлопчатобумажных тканей заметно вырос. Если в 1870 г. их вывезли в Персию на 224 тыс. руб., а в 1880 г. — на 1 млн 158 тыс. руб.³⁰, то в 1891 г. — уже на 6,5, 1892 г. — на 8,5, 1893 г. — на 9,2 млн руб. Схожие показатели сохранялись и в 1895–1896 гг., а в 1897–1898 гг. стоимость экспорта достигла 11,9 млн руб. Опустившись в 1899 г. до 10,3 млн руб., в 1900 г. она вновь поднялась до 11,7 млн руб.³¹

Российские консулы на рубеже XIX–XX вв. не без удовольствия отмечали популярность российских тканей в Персии, но по-прежнему констатировали их недостаточную конкурентоспособность и напоминали о необходимости внимательнее знакомиться с местным ассортиментом, заботясь о «приспособлении» продукции к потребностям и вкусам покупателей (в том числе рекомендовалось увеличить ширину ситцев по примеру английских до 17¾ вершка)³².

Для изучения рынка правление товарищества мануфактуры «Эмиль Циндель» в Москве совместно с другими фирмами (В.Е. и А. Ясунинских, Барановых, В.Е. Морозова с сыновьями, Новой костромской льняной мануфактуры, Шерстяных изделий Торнтон и Знаменской мануфактуры А.Я. Полякова) снарядило две экспедиции: осенью 1900 г. — в северные провинции, прилегающие к Каспийскому морю, а весной 1901 г. — в южные, на побережье Персидского залива³³.

Между тем 7 июня 1904 г., уступая промышленникам, правительство значительно повысило установленную в 1892 г. сумму возврата пошлин при вывозе отечественных тканей на внешний рынок. Для «суровых и белёных тканей» — с 1,3 до 5,45 руб., для окрашенных в «адрианопольский красный

²⁷ Торговые интересы в Персии (окончание) // Утро России. 1910. 23 ноября. № 307. С. 7.

²⁸ Лавёрычев В.Я. Указ. соч. С. 61–62.

²⁹ ЦГА Москвы, ф. 143, оп. 1, д. 98, л. 71.

³⁰ Фёдоров М.П. Соперничество торговых интересов на Востоке. СПб., 1903. С. 216.

³¹ Лавёрычев В.Я. Указ. соч. С. 62.

³² Фёдоров М.П. Указ. соч. С. 216.

³³ Экспорт ситца. Справочный материал. Товарищество мануфактуры «Эмиль Циндель» в Москве. М., 1903. С. 45.

цвет» — с 1,85 до 6,25 руб., для прочих, включая набивные, — с 1,5 до 5,75 руб.³⁴ В августе 1904 г. «Торгово-промышленная газета» с энтузиазмом поддержала это решение, а в газете «Каспий» даже утверждалось, что «теперь господство на персидском рынке дешёвых русских мануфактурных товаров следует считать обеспеченным, так как наиболее опасный конкурент — английский мануфактурист — не может конкурировать с русским ни в отношении быстроты доставки, ни в отношении дешевизны наиболее ходких в Персии товаров»³⁵.

Однако эти ожидания не оправдались: в следующие пять лет объёмы поставок хлопчатобумажных тканей из России несколько снизились, а Великобритания в 1905–1909 гг. продолжала наращивать экспорт (см. табл. 1).

Таблица 1

Стоимость ввоза текстильных товаров в Персию (руб.)

	Россия	Великобритания
1905/1906 г.	8 389 012	12 579 199
1906/1907 г.	10 188 814	13 999 079
1907/1908 г.	8 769 833	16 565 367
1908/1909 г.	6 720 754	15 432 163

Составлено по: АВПРИ, ф. 144, оп. 488, д. 1876, л. 577.

В условиях Первой русской революции и экономической депрессии производственные показатели хлопчатобумажной промышленности немного просели, но быстро восстановились и даже возросли. Так, если в 1890 г. на одного жителя приходилось 2,32 фунта вырабатывавшегося текстильными фабриками товара, то в 1895 г. — 2,86, 1900 г. — 3,5, 1901 г. — 3,6, 1904 г. — 3,8, 1905 г. — 3,4, 1906 г. — 3,7, 1907 г. — 3,8, 1908 г. — 3,9, а в 1909 г. — 4 фунта³⁶.

Вместе с тем, как сообщал консул в Бушире, беспорядки в России привели к тому, что текстиль подорожал, и этим пользовались конкуренты³⁷. Кроме того, в самой Персии в 1905–1911 гг. развернулись революционные волнения, охватившие прежде всего северные провинции страны, тогда как центральные и южные районы пострадали значительно меньше.

В мае 1910 г. предприниматели, создавшие в 1909 г. Русское экспортное товарищество, заявили о готовности «сдать экзамен на зрелость», «испытать свои силы и подготовку для состязания на международном рынке». По их словам, ими были «откинута личные эгоистические интересы», и теперь к своему делу они «подходили с точки зрения общегосударственной пользы». Ведь «если верно, что для достижения цели вообще нужно бороться, то в отношении экспорта это верно сто раз. Не следует забывать, что мы являемся на международном

³⁴ Баранов А.А. Исторический обзор хлопчатобумажного производства в России, в связи с таможенными тарифами. М., 1913. С. 113–114.

³⁵ Торговля с Персией // Каспий. 1904. 19 августа. № 188. С. 4.

³⁶ Баранов А.А. Указ. соч. С. 117–118.

³⁷ Л-н. Торговля России в Персидском заливе 1903–1913 гг. // Торговля СССР с Востоком. 1928. № 7–8. С. 27.

рынке с большим опозданием, и нужно много трудиться и бороться, чтобы занять подобающее место среди более старых конкурентов»³⁸.

Добиваясь повышения продаж, промышленники стали предоставлять скидку со стоимости товара на 25% и рассрочку его оплаты на шесть месяцев под 8% годовых³⁹. Однако они не жертвовали качеством продукции ради снижения её себестоимости, чем смогли обеспечить себе существенное преимущество. Рассуждая об этом, консул в Реште 11 августа 1910 г. сообщал: «Английский ситец хотя и превосходит русский красотой рисунка, но значительно уступает ему в добротности и выделке. В дюйме русского ситца 16 ниток, тогда как в английском 15 и меньше. Причём нитка русского ситца лучше по качеству и толще английских. Ввиду сего нет оснований предполагать, что наш ситец не может более конкурировать с английским. За последнее время в таких больших городах, как Тегеран, Решт, Тавриз, Мешед, появились продавцы и покупатели, не довольствующиеся всяким товаром ради одной его дешевизны, и уже замечается стремление к приобретению лучших сортов товаров, хотя бы и дорогих. Отсюда вполне естественно заключить, что усиленный спрос на русский ситец, как наилучший в Персии, несомненно, возникнет в недалёком будущем, и наш товар займёт своё место на рынках Персии»⁴⁰.

При этом, не довольствуясь освоением рынков на севере Персии, в Петербурге инициировали транспортировку товаров в южные провинции страны. 3 февраля 1901 г. Российское общество пароходства и торговли при содействии Министерства финансов отправило пароход «Корнилов» в первый рейс из Одессы в порты Персидского залива. На его борту находились товары Товарищества Никольской мануфактуры Саввы Морозова и Прохоровской Трёхгорной мануфактуры⁴¹. В 1903 г. через Персидский залив завезли 22,4 т хлопчатобумажной ткани, 1904 г. — 93 т, 1905 г. — 159 т, но в 1906 г. — всего лишь 41,1 т⁴².

В том же 1906 г. Н.И. Прохоров передал в Московский биржевой комитет записку, в которой изложил собственный опыт торговли в Ширазе и Исфагане текстильным товаром, доставленным через южные порты. Фабрикант выделил на открытие там складских помещений «очень крупную сумму» и отнёсся «к делу распространения русской мануфактуры в Персии с особым вниманием». Благодаря высокому качеству и подходящей расцветке первые партии ткани разошлись быстро. Однако прибыли от их продажи фирма не получила, даже несмотря на то, что государство компенсировало пошлины: сказывались «громадные» расходы на содержание отделений и провоз груза от Москвы до пункта назначения (и в особенности от Бушира до Шираза и Исфагана через малодоступные склоны гор). Когда же в 1905–1906 гг. себестоимость продукции в России значительно повысилась из-за сокращения рабочего времени, увеличения заработной платы и подорожания топлива, Товариществу пришлось продавать свои изделия по «несомненно убыточным ценам», всеми силами стараясь избежать ликвидации предприятия. Правительство, несмотря

---

³⁸ Доклады совета Русского экспортного товарищества // Всероссийский съезд представителей русской торговли и промышленности по вопросу о развитии торговых сношений с Ближним Востоком. М., 1910. С. 318.

³⁹ АВПРИ, ф. 144, оп. 490, д. 19д, л. 204–204 об.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Сенченко И.П. Российская империя, Аравия и Персидский залив. Коллекция историй. СПб., 2018. С. 77.

⁴² Л-н. Указ. соч. С. 27.

на крупные денежные затраты, по свидетельству Прохорова, не оказывало существенного влияния на положение дел. К тому же консулы зачастую бездействовали, и предпринимателям неоднократно приходилось жаловаться на них в Министерство торговли и промышленности⁴³.

Со своей стороны, британские коммерсанты, выдавливая конкурентов с рынков Южной Персии, начали подделывать российские образцы ситцев, намеренно ухудшая их качество. Всё это препятствовало росту поставок. Если в 1907 г. ввоз через порты Персидского залива несколько усилился и достиг 97,7 т, то в дальнейшем он резко сократился и составил в 1908 г. — 13 т, 1909 г. — 13,4, 1910 г. — 2,6, 1911 г. — 3, 1912 г. — 16,8, в 1913 г. — 0,8 т. По количеству завезённой на юг Персии хлопчатобумажной ткани в 1912–1913 гг. Россия сильно отставала не только от Великобритании, но и других стран. Стоимость её товара ограничивалась скромной суммой в 1200 фунтов стерлингов, тогда как британского достигала 469715, индийского — 88105, германского — 8822, турецкого — 1241 фунт стерлингов⁴⁴.

Российские предприниматели, познакомившись с особенностями рынков Центральной и Южной Персии, предлагали правительству закрепить свои позиции на севере страны и привести там в порядок транспортную инфраструктуру (порты в Энзели и Пир-Базаре, шоссейную дорогу до Тегерана и т.д.). Затем уже следовало двигаться в восточном и южном направлениях, постепенно проникая в торговые центры других регионов. «В силу географического положения, — писал Прохоров, — северная граница Персии представляет все преимущества для правильного развития прочных торговых сношений России с Персией, и все заботы правительства должны бы быть обращены на использование именно этого преимущественного положения... Такой план нам кажется тем более целесообразным, что именно север Персии представляет самый интересный в смысле покупательной способности рынок, несравненно более богатый, чем центральный район, не говоря уже о городах Южной Персии и в особенности портах Персидского залива. В поступательном движении с севера на юг нам не пришлось бы постоянно сталкиваться с параллельно двигающимся конкурентом, имеющим возможность вытеснить нас в любой момент, благодаря более удобному для него морскому сообщению»⁴⁵.

Но в целом, в деловых кругах рассчитывали на дальнейшее освоение персидского рынка. С 1909/1910 г. российский экспорт тканей неуклонно усиливался и в 1912/1913 г. даже превысил британский (см. табл. 2).

Это объяснялось ускоренными темпами роста промышленного производства. Если в общемировой индустрии в 1890–1912 гг. число прядильных веретён увеличилось только на 105%, а потребление хлопка на 114%, то в России соответственно — на 167 и 180%⁴⁶.

Большим подспорьем являлась и практика возврата пошлин на хлопок при вывозе тканей за границу. Газета «Утро России» писала в 1910 г., что от промышленников зависит техническое усовершенствование производства, ведущее к удешевлению товаров, но отнюдь не стоимость сырья, использованного для изготовления изделий. Она во многом определяется таможенным обложением, и освободить «от этих излишних привесков» способно только государство.

⁴³ ЦГА Москвы, ф. 143, оп. 1, д. 100, л. 192 об.—193.

⁴⁴ Л-н. Указ. соч. С. 27, 29.

⁴⁵ ЦГА Москвы, ф. 143, оп. 1, д. 100, л. 193 об.

⁴⁶ Там же, д. 543, л. 26.

Когда же они устраняются, то отечественная продукция успешно выходит на внешние рынки, «как это и доказывается примером торговли России с Персией». Как признавались в газете, «благоприятным положением дел русская промышленность обязана тому, что при вывозе хлопчатобумажных тканей засчитывается пошлина, уплоченная фабрикантами за хлопок, употреблённый на изготовление этих тканей... Поэтому наши миткали оказываются в состоянии конкурировать с английскими»⁴⁷.

Таблица 2

Стоимость ввоза текстильных товаров в Иран (руб.)

	Россия	Великобритания
1908/1909 г.	6720754	15432163
1909/1910 г.	8523739	нет данных
1910/1911 г.	9481626	13860117
1911/1912 г.	11090569	14714310
1912/1913 г.	16179915	14238458

Составлено по: АВПРИ, ф. 144, оп. 488, д. 1876, л. 577.

Положительную роль сыграло также Англо-русское соглашение 1907 г., после которого британцам пришлось отказаться от масштабного торгового присутствия на севере Персии и освободить местный рынок для беспрепятственного ввоза российских тканей. «Следует ли нам, русским, радоваться заключению англо-русского соглашения? – рассуждали в газете “Голос Москвы”. – Без сомнения, да»⁴⁸. По мнению редакции, интересы российской промышленности при этом не пострадали, поскольку для её экспансии на юге Персии «были сделаны только единичные попытки»⁴⁹, тогда как англичанам теперь «придётся оперировать только на определённой территории», конкурируя друг с другом или с немцами⁵⁰.

Таким образом, российские предприниматели долго не проявляли особого интереса к персидскому рынку, но после того как отечественная хлопчатобумажная промышленность достигла размеров, требовавших внешнего сбыта, купцы и правительство совместными усилиями смогли быстро закрепиться в северных провинциях Персии, превзойдя Великобританию по объёму ввозимой хлопчатобумажной продукции и приступив к экономическому освоению южных районов страны.

⁴⁷ Торговые интересы в Персии (окончание) // Утро России. 1910. 23 ноября. № 307. С. 7.

⁴⁸ Англо-русское соглашение // Голос Москвы. 1907. 22 августа. № 194. С. 2.

⁴⁹ Россия и Персия // Голос Москвы. 1907. 24 августа. № 196. С. 3.

⁵⁰ Англия и русско-английская конвенция // Голос Москвы. 1907. 26 августа. № 198. С. 3.